

Глава I МИРА НЕ ЖДУТ, ЕГО ЗАВОЕВЫВАЮТ

27 февраля 1917 года в России победила буржуазно-демократическая революция. Самодержавие было свергнуто. Однако находившиеся в течение почти восьми месяцев у власти правительства с помощью социалистических партий меньшевиков и эсеров тормозили дальнейшее развитие революционного процесса, держали курс на его свертывание и ограничение рамками буржуазного строя. Победившему народу не дали ни мира, ни земли, ни права самому определять свою судьбу. В результате все проблемы, которыми было беременно российское общество, не только не решались, а, напротив, все более обострялись.

Продолжающееся участие страны в мировой войне стремительно приближало ее к той опасной грани, за которой неминуемо должна была последовать национальная катастрофа. Русская армия смертельно устала от войны, она не знала, за что воюет. Создавалось критическое положение: обстановка в окопах была настолько накалена, что достаточно было искры, чтобы армия оставила позиции и хлынула в тыл. Так, во время наступления летом 1917 года только в 5-й армии, державшей фронт в районе Двинска, по делу о массовом неисполнении боевых приказаний было привлечено около 40 офицеров и более 12,5 тысячи солдат ¹.

В воздухе явственно чувствовались признаки надвигающейся гигантской грозы. И в ней грозно звучали голоса миллионов людей в тылу и на фронте — хлеба и мира!

Свершившаяся Октябрьская революция вновь всколыхнула в миллионах людей усталые надежды на мир.

¹ См.: Двинцы. М., 1957. С. 159.

25 октября 1917 года пало на среду. Этот день в Петрограде выдался сырым и холодным. Рано утром Ленин от имени Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов пишет обращение «К гражданам России!». Согласованное с членами ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного комитета, воззвание в 10 часов утра отправляется в печать и в тот же день публикуется в газете «Рабочий и Солдат»¹. Одновременно оно передается в эфир радиостанцией крейсера «Аврора»². В предельно сжатой и лаконичной форме новая власть точно и определенно излагала всем гражданам страны программу своей деятельности. Документ оповещал о низложении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета. «Дело,— говорилось в нем,— за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено»³.

Телеграммы о победе революции в Петрограде посылались во все концы России, на все фронты. Самое серьезное внимание Военно-революционный комитет уделял организации правильной информации для заграницы о том, что произошло в Петрограде. К этой работе сразу же был привлечен В. В. Воровский, который после Февральской революции 1917 года возглавил Заграничное представительство ЦК РСДРП(б), находившееся в Стокгольме. В радиোগрамме на имя Воровского ему было предложено стать полномочным представителем Советской власти в Швеции и принять меры «к самому широкому осведомлению общественного мнения Европы, Англии и Соединенных Штатов о характере и смысле происшедшего в России переворота»⁴.

Днем 25 октября в 2 часа 35 минут открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которому Военно-революционный комитет доложил о свержении Временного правительства и победе революции. Выступавший Троцкий говорил, что он не знает в истории примеров революционного движе-

¹ См.: Рабочий и Солдат. 1917. № 8. 25 октября.

² См.: Правда. 1987. 13 октября.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 116.

ния, в котором участвовали бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно¹.

Затем слово было предоставлено Ленину. Более ста дней он находился в подполье. Теперь Ленин присутствовал на заседании и открыто выступал перед массами с докладом о задачах Советской власти. Подчеркивая, что сейчас в России мы «должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства», Ленин изложил задачи новой власти, назвав одной из очередных «необходимость немедленно закончить войну»². Он заявил также, что Советская власть будет бороться за заключение справедливого мира, опубликует тайные договоры. На заседании выступили также А. В. Луначарский, Г. Е. Зиновьев. Последний говорил, что сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам³.

Время не ждало. Зимний еще не был взят, к тому же Троцкий сообщил собравшимся, что получены сведения о движении с фронта войск в направлении Петрограда⁴, и поэтому было решено прений по докладу Ленина не открывать, а принять резолюцию. Она была подготовлена Лениным, и ее зачитал В. Володарский. Резолюция была принята громадным большинством голосов. Подтверждая тезис о мире, изложенный в обращении «К гражданам России», она подчеркивала, что новое правительство «немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам», и выражала убеждение, что и пролетариат западноевропейских стран «поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы»⁵.

В этот же день, 25 октября, в 22 часа 40 минут в одном из залов Смольного открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Его работу кратким вступительным словом от имени ЦИК первого созыва начал меньшевик Ф. И. Дан. Странным было это выступление: революционные отряды занимали Зимний, а Дан с трибуны съезда выражал солидарность с находившимся во дворце уже фактически свергнутым

¹ См.: Солдат. 1917. № 61. 26 октября.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2—3.

³ См.: Солдат. 1917. № 61. 26 октября.

⁴ См. там же.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 4, 5.

Временным правительством, глава которого — А. Ф. Керенский — к этому часу уже бежал из Петрограда.

Сформировали президиум съезда, большинство которого пропорционально числу прибывших делегатов составили большевики. В президиум был избран и Ленин, но на открытии съезда он не присутствовал: здесь же, в Смольном, Ленин продолжал руководить операциями в районе Зимнего дворца. Перешли к обсуждению повестки дня, которую съезду предложил Каменев: вопрос об организации власти, вопрос о войне и мире, вопрос об Учредительном собрании.

Представители небольшевистских фракций начали затягивать обсуждение порядка работы съезда, обвиняя большевиков в авантюризме и организации «военного заговора», призывая делегатов съезда к открытию переговоров о прекращении начавшегося столкновения и создания власти, которая была бы признана «всею демократией». В концентрированном виде все это было высказано в речи лидера меньшевиков-интернационалистов Л. Мартова, который, в частности, заявил, что его фракция не считает «возможным брать на себя политическую ответственность за авантюру, затеянную большевиками»¹.

И хотя реализация всех этих соглашательских предложений таила в себе опасность того, что контрреволюция может воспользоваться затяжкой времени в своих целях, большевики, от имени которых выступил А. В. Луначарский, выразили готовность обсуждать поставленные вопросы.

Однако последовавшие новые выступления представителей соглашательских партий показали, что они ведут дело к тому, чтобы съезд фактически санкционировал сдачу уже завоеванных революционными массами позиций и отказ от свержения власти буржуазии. Подавляющая часть делегатов съезда решительно отвергла эту линию меньшевиков и эсеров и осудила ее в специально принятой резолюции. Меньшевики и эсеры покинули зал заседания, надеясь тем самым вызвать на съезде раскол. Но их надежды не оправдались: ушла лишь незначительная часть делегатов, и съезд продолжал быть правомочным верховным органом России. Из 318 провинциальных Советов, представленных на Втором съезде, 241 решительно высказался за передачу всей власти

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 октября.

Советам¹. Вместе с большевиками остались работать левые эсеры, представители ряда других политических сил страны, многие рядовые меньшевики и эсеры.

Вся эта часть первого заседания Второго съезда Советов длилась до 2 часов 40 минут 26 октября, когда был объявлен получасовой перерыв.

В 3 часа 10 минут 26 октября первое заседание Второго съезда Советов возобновилось. Бурей аплодисментов встретили делегаты сообщение о взятии Зимнего и аресте Временного правительства. Выступивший Н. В. Крыленко доложил об образовании на Северном фронте Военно-революционного комитета, который примет меры к тому, чтобы воспрепятствовать движению воинских эшелонов на подавление революции в Петрограде. Затем съезд перешел к рассмотрению вопроса о власти. А. В. Луначарский огласил перед делегатами текст воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!», которое было подготовлено Лениным в ночь с 25 на 26 октября. В воззвании подчеркивалось, что, «опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки» и постановляет, что «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»². Говоря о программе деятельности Советской власти, в воззвании, в частности, указывалось, что она «предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах»³. В 5 часов утра 26 октября воззвание было поставлено на голосование. Против выступило лишь 2, воздержалось — 12 человек. Левые эсеры присоединились к этому важному историческому документу. В 5 часов 15 минут первое заседание Второго съезда Советов закрылось.

В ночь на 26 октября и в течение этого дня В. И. Ленин проводит гигантскую работу: он трудится над проектами документов о земле, о мире, об образовании рабоче-крестьянского правительства; на заседании фракции большевиков Второго съезда Советов участвует в обсуждении вопроса о составе этого правительства; выясняет ряд военных вопросов, связанных с защитой револю-

¹ См.: *Новгородов А. И.* Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 42.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 11.

³ Там же.

ции; на заседании ЦК РСДРП(б), куда были приглашены представители левых эсеров, обсуждает вопрос об их участии в правительстве, в которое левые эсеры отказываются войти. Нелегко давалось решение вопроса о составе правительства. Приглашенные на заседание ЦК РСДРП(б) левые эсеры Б. Д. Камков, В. Б. Спиро и В. А. Карелин не приняли предложение большевиков войти в состав правительства представителям их партии, настаивая на образовании «единого демократического правительства» в форме коалиции всех социалистических партий, включая и те, которые ушли со съезда Советов, — меньшевиков, эсеров и других. ЦК большевиков не мог пойти на соглашение с теми, кто открыто встал на сторону контрреволюции, делал все, чтобы погубить революцию. Трудно проходило обсуждение этого вопроса и среди большевиков. Каменев, Рязанов и некоторые другие считали, что против большевиков слишком много сил, им одним не удержаться, они изолированы и погибнут¹.

Надо полагать, что все эти трудности, многие неопределенности, желание большевиков исчерпать имевшиеся разумные возможности к достижению компромисса и задерживали открытие очередного заседания Второго съезда Советов, которое 26 октября должно было начаться в 13 часов дня². Но оно не началось и в 19 часов вечера, хотя зал уже давно заполнили делегаты и он гудел. В эти часы как раз и проходило заседание ЦК РСДРП(б) (на нем левым эсерам предлагалось войти в состав правительства), а чуть позже — заседание фракции большевиков Второго съезда Советов, обсуждавшее проекты декретов о мире, о земле, другие вопросы.

Было 20 часов 40 минут, когда в зале появился Владимир Ильич Ленин, другие члены президиума, встреченные громом аплодисментов и приветственными возгласами. Второе заседание Второго Всероссийского съезда Советов началось. Его открыл Каменев, сообщивший делегатам, что президиум съезда отдал распоряжение об отмене смертной казни на фронте, введенной Керенским по предложению меньшевиков, об освобождении всех солдат и офицеров, арестованных по «политическим преступлениям»³. Съезд утвердил эти распоряжения президиума.

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 1110; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 115.

² См.: Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 114.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 28 октября.

После выступления ряда делегатов на трибуну взошел Ленин. «Вопрос о мире,— начал свой доклад Ленин,— есть жгучий вопрос, больной вопрос современности»¹. И, не тратя лишних слов, он сразу же перешел к зачитанию декларации-обращения к народам и правительствам всех воюющих стран; она вошла в историю как знаменитый ленинский Декрет о мире — первое официальное слово только что рожденной и вышедшей на международную арену Советской власти.

В декларации предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»². Под справедливым и демократическим миром Советская власть, подчеркивалось в декрете, понимает «немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»³. При этом давалось определение понятия «аннексия», которое базировалось на марксистском положении о том, что нигде ни один народ не имеет права распоряжаться судьбой другого народа.

Предупреждая всевозможные попытки воюющих держав обосновывать свой отказ вести переговоры о мире или его условиях ссылками на непримиримость большевиков, на ультимативный характер их предложений, на военные действия, затрудняющие ведение переговоров, Советская власть заявляла, что она готова «рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира»⁴.

В этой связи в декларации указывалось, что Советская власть отменяет тайную дипломатию, твердо намерена вести переговоры открыто перед всем народом, приступает к опубликованию тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами, безусловно и немедленно отменяет содержащиеся в этих тайных договорах выгоды и привилегии помещикам и капиталистам России в ущерб другим странам и народам.

Одновременно в документе подчеркивалось, что, предлагая всем воюющим странам немедленно начать откры-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 15.

тые переговоры о заключении мира, мы со своей стороны готовы вести их любым способом — по почте, посредством телеграфа, путем встречи представителей разных стран или созыва конференции. И, демонстрируя серьезность своих намерений, Советская власть заявляла, что «для облегчения таких переговоров... назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны»¹. Более того, понимая всю сложность ведения этих переговоров между государствами с противоположными интересами, в декларации предлагалось на первых порах немедленно заключить перемирие, по мнению советской стороны, на три месяца, чтобы за этот срок завершить переговоры о мире с участием представителей всех воюющих стран и созвать их для окончательного утверждения условий мира.

В заключение Декрета о мире подчеркивалось, что он обращен к правительствам и народам всех воюющих стран, равно как «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии», и что «рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира...»².

Зачитав это обращение к народам и правительствам всех воюющих стран, Ленин предложил принять его. Начались прения. Все выступавшие от разных фракций ораторы одобряли декларацию. Были высказаны и некоторые замечания. Один из делегатов предложил не упоминать в ней об усталости страны и армии³. С поправкой к декрету выступил меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев; он утверждал, что наше положение о мире без аннексий и контрибуций должно носить ультимативный характер, ибо в противном случае другая сторона будет иметь повод думать, что мы слабы⁴.

Оба эти соображения Ленин не оставил без внимания. «Я буду высказываться решительно против того,— начал свое заключительное слово Ленин,— чтобы наше

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 15.

⁴ См. там же; Декреты Октябрьской революции. М., 1933. С. 7.

требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости»¹. Он объясняет, что мы свои предложения о мире разошлем повсюду, о них будут знать все, скрыть наших условий будет невозможно. В этом случае империалисты будут вынуждены давать «объяснения» своим народам, мировому общественному мнению. Гласность и отсутствие тайны при ведении мирных переговоров всегда ставит любое правительство под контроль общественного мнения своей страны.

Отвергая мнение, что «неультимативность покажет наше бессилие», Ленин решительно подчеркивал другое понимание силы народа: «По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»². И в этой связи Ленин добавляет, что поэтому нам и нечего бояться сказать в декларации об усталости нашего народа, нашей страны, «ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже невоюющих стран»³. А говоря об опубликовании тайных договоров и об отмене в них пунктов об аннексиях и контрибуциях, Ленин одновременно заявил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁴.

Шел одиннадцатый час вечера, когда декларация-обращение к народам и правительствам всех воюющих стран была поставлена на голосование. Каменев предложил поднять мандаты делегатам, поддерживающим обращение. Около 23 часов вечера 26 октября 1917 года ленинский Декрет о мире был единогласно принят съездом Советов. Зал поднялся в едином порыве и запел «Интернационал», после которого, отдавая дань тем, кто погиб за свободу, зазвучал напев «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 20.

В 2 часа ночи 27 октября после обсуждения доклада Ленина о земле съезд принял подготовленный и зачитанный им Декрет о земле. При его голосовании 1 человек был против и 8 воздержалось¹.

В 4 часа утра того же дня подавляющим большинством голосов съезд принял предложение большевиков о составе правительства, в которое, из-за отказа левых эсеров, вошли только члены РСДРП(б). Против выступили меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, делегат Викжеля², требовавшие создания правительства из представителей всех социалистических партий. В принятом Всероссийским съездом Советов постановлении говорилось: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»³.

Утвердив правительство, съезд избрал новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в количестве 101 члена, среди которых были 62 большевика, включая Ленина, и 29 левых эсеров⁴. При этом съезд постановил, что ВЦИК может быть пополнен представителями крестьянских Советов, армейских организаций, а также представителями тех партий, которые покинули съезд.

В 5 часов 15 минут утра 27 октября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов завершил свою работу.

Народ, уставший от более чем трехлетней империалистической бойни, солдаты, страстно желавшие мира и возвращения к родным очагам, хотели бескровной революции. Но враги вынуждали их идти на бой. В полдень 25 октября Керенский в машине американского посольства бежал из революционного Петрограда. С трудом избежав ареста в Гатчине, он поздно вечером добрался до Пскова, где на следующий день была достигнута договоренность с генералом Красновым двинуть казачьи части на Петроград. Утром 27 октября была захвачена Гатчина, Керенский начал рассылать высокопарные победоносные телеграммы, в чем ему услужливо оказывало

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. С. 1116.

² Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза, большинство которого составляли меньшевики и эсеры, выбранные за два месяца до свержения Временного правительства.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 28.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. С. 1117.

поддержку эсеро-меньшевистское руководство Викжеля, распространяя депеши Керенского по всей сети железных дорог. 28 октября части Краснова заняли Царское Село. Над Петроградом, до которого было менее 25 километров, нависла серьезная угроза. Зашевелился генералитет Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов, предпринимавший попытки организовать посылку войск на Петроград и Москву. К преступным действиям перешел «Комитет спасения родины и революции», созданная в ночь на 26 октября контрреволюционная организация, в которую вошли многие лидеры партий эсеров и меньшевиков. Члены этой организации А. Р. Гоц, А. А. Брудерер и другие в ночь на 29 октября организовали в Петрограде мятеж юнкеров. 27 октября в Москве контрреволюция при прямой поддержке эсеров и меньшевиков открыла военные действия против революционных сил, во второй столице было объявлено военное положение. Эта неустойчивая, нестабильная обстановка усугублялась шумными, крикливыми заявлениями и выступлениями лидеров партий эсеров, меньшевиков, Викжеля и других социалистических групп против большевиков. Отказавшись взять на себя бремя исторической ответственности, эти «революционеры» подталкивали контрреволюцию на выступления, поощряли саботаж старого чиновничества, не признававшего в своей массе новой власти. Все это, конечно, способствовало созданию в центре и на местах неуверенности, порождало лавину слухов, дезинформации, клеветы в адрес новой власти, обвиняемой в жестокостях и зверствах, сбивало с толку обывателя.

Что же в действительности происходило в эти дни? Уже к вечеру 27 октября ЦК РСДРП(б), Совнарком и Военно-революционный комитет создают комиссию во главе с Лениным для руководства обороной Петрограда от наступающих частей Керенского и Краснова¹. Ленин и члены комиссии проводят в последующие дни и ночи огромный объем организационно-мобилизующей работы по разгрому контрреволюционных сил, выступление которых было быстро и решительно пресечено. Так, вспыхнувший в Петрограде мятеж юнкеров уже днем 29 был ликвидирован. К 31 октября стало ясно, что наступавшие части Краснова разбиты революционными си-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 9.

лами; Керенский 1 ноября бежал из Гатчины — бежал навсегда. К вечеру 2 ноября после ожесточенных боев с контрреволюцией было покончено и в Москве. Попытка реакции силой вырвать власть из рук трудящихся, предпринятая сразу же после Второго Всероссийского съезда Советов, не удалась.

Но проблем от этого не становилось меньше, напряжение не снималось, положение продолжало оставаться тревожным. После того как меньшевики и эсеры покинули съезд Советов, их органы печати не уставали обвинять большевиков в захвате власти, призывая к созданию правительства из всех социалистических партий и групп. Используя Викжель, где меньшевики и эсеры играли руководящую роль, эти силы пытались подорвать революцию изнутри. 29 октября, когда в Петрограде продолжался мятеж юнкеров, а войска Керенского — Краснова двигались из Гатчины на столицу, Викжель принял резолюцию, в которой призывал создать новое, так называемое «однородное социалистическое правительство», в которое вошли бы представители всех партий «от большевиков до народных социалистов»¹. С помощью почтово-телеграфного союза, где в руководстве также преобладали меньшевики и эсеры, он разослал эту резолюцию по телеграфу с грифом «всем, всем, всем». Викжель прибегал к угрозе, заявив, что «к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах»². «Остановка движения,— говорилось в резолюции,— наступит в 12 часов ночи сегодня, с 29 на 30 октября, если к тому времени в Петрограде и Москве боевые действия не будут прекращены».

Это был уже открытый вызов Советской власти. Было ясно, что, сделанный в чрезвычайно тревожные для нее часы, этот вызов будет немедленно поддержан всеми политическими партиями и группами, которые покинули Второй съезд Советов или вообще не участвовали в его работе. Создавалась исключительно опасная обстановка с непредсказуемыми последствиями.

29 октября состоялось заседание ЦК партии большевиков³. На нем присутствовали Винтер (Берзин), Каме-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 451; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. М.; Л., 1929. С. 145—146.

² Там же. С. 149.

³ См. там же. С. 144—147.

нев, Милютин, Рыков, Сокольников, Иоффе, Держинский, Свердлов, Бубнов, Урицкий. Обсуждался один вопрос: о расширении правительства и включении в его состав представителей партий, ушедших со съезда Советов, и организаций, не принимавших участия в его работе. В ходе заседания ЦК проголосовал за «расширение базы правительства», за то, что оно «создается ЦИК и перед ним ответственно» и «подтверждает декрет о мире и земле», что «ЦИК должен быть пополнен представителями ушедших со съезда партий в пропорциональном количестве» и в него «должны быть введены представители железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других подобных организаций»¹. Таким образом, ЦК РСДРП(б) положительно отнесся к предложению Викжеля о переговорах относительно создания «однородного» социалистического правительства, делегировав на это совещание Сокольников и Каменева. Программой их действий на переговорах и должны были служить эти принятые решения.

Помимо Г. Я. Сокольникова и Л. Б. Каменева, делегированных на совещание ЦК РСДРП(б), там присутствовали также А. И. Рыков — от СНК, С. А. Лозовский — от Совета профсоюзов и Д. Б. Рязанов — от ЦИК Советов². Кроме Викжеля и большевиков в переговорах участвовали представители правых и левых эсеров, всех течений меньшевиков, «Комитета спасения родины и революции», центральных комитетов служащих государственных учреждений и почтово-телеграфных работников — всего на совещании присутствовал 71 человек³. Что касается ЦК партии народных социалистов, то они своего отдельного представителя прислать на совещание отказались, но это политическое течение входило в Викжель и в «Комитет спасения»⁴.

На заседании все политические противники большевиков изложили свои взгляды по вопросу об организации власти. И сразу, невзирая ни на какую словесную шелуху и демократически обтекаемые фразы, стало ясно, кто есть кто, кто чего хочет. Так, представитель «Комитета спасения» меньшевик С. М. Вайнштейн заявил, что пра-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 144—145.

² См.: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1973. Т. 3. С. 169.

³ См. там же. С. 170.

⁴ См. там же.

вительство должно быть создано без большевиков¹. Говоривший от имени ЦК правых эсеров М. Я. Гендельман призывал признать выступление большевиков в октябрьские дни авантюрой, заявлял, что его партия будет добиваться своего силой оружия². От имени меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов предлагал, по сути дела, «растворить» Советы, сделав опорой новой власти не только их, но и органы городского самоуправления, а меньшевик Ф. И. Дан требовал непризнания Второго съезда Советов и создания правительства без большевиков³. Как всегда, колебались левые эсеры. При рассмотрении вопроса о новом правительстве представители почти всех политических сил отводили кандидатуры Ленина и Троцкого⁴.

Все различия между этими предложениями сводились только к одному — с большевиками или без них. Но все эти политические партии, группы, организации сходились в одном — вырвать власть из рук Советов и ликвидировать достижения Октябрьской революции. Принималась во внимание, думается, и позиция ряда большевиков, занимавших соглашательскую линию, не дававших отпора контрреволюционным выступлениям противников власти Советов, создававших впечатление того, что с контрреволюцией можно найти общий язык.

В итоге в этот день, 29 октября, договорились, несмотря на протесты Каменева и Сокольников, о выборе комиссии из представителей крупнейших партий и организаций с целью подготовить предложения о составе нового правительства и мерах по прекращению гражданской войны⁵. Комиссия заседала всю ночь и почти весь день 30 октября, но ни к каким результатам не пришла. От имени «Комитета спасения» меньшевик Дан изложил большевикам требования, предусматривавшие полный демонтаж советской власти⁶. Какого-либо отпора им Каменев, Рязанов и Лозовский, участвовавшие в заседании комиссии, не дали. Все трое возражали лишь против пункта о разоружении рабочих, а Рязанов и Лозов-

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 172.

² См. там же.

³ См. там же. С. 171.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 156.

⁵ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 172; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 156—157.

⁶ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 172—173.

ский выразили также и свое несогласие со вступлением войск Керенского в Петроград¹. После дебатов члены комиссии сошлись на договоренности об образовании «однородного социалистического правительства», оставив вопрос о вхождении в него большевиков открытым; было также принято решение, против которого голосовали большевики, — о заключении перемирия на три дня между сражающимися сторонами².

А кризис в рядах революционных сил все более обострялся. Вечером 1 ноября Ленин говорит о разногласиях в партии на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) по вопросу о создании «однородного социалистического правительства»³. В этот же день позднее и в ночь на 2 ноября состоялось заседание ЦК РСДРП(б), которое обсуждало вопрос об участии большевиков-делегатов в совещании, созванном Викжелем по вопросу о создании «однородного социалистического правительства». Учитывая важность проблемы, заседание было весьма представительным. Помимо 12 членов ЦК в нем участвовали приглашенные: 5 представителей от Петроградского комитета, 1 — от Военной организации, не входившие в ЦК 3 члена правительства, Лозовский как представитель профсоюзов и Рязанов в качестве делегата от ВЦИК на совещании⁴. После доклада Каменева большинство членов ЦК, выступая в прениях, осудило поведение делегации. Выступившие на заседании ЦК Каменев, Милютин, Рыков, Рязанов говорили о необходимости продолжать переговоры⁵. Идею продолжения переговоров поддержал Свердлов, подчеркивая одновременно, что их характер должен быть «резко» изменен⁶. В принятой резолюции ЦК подчеркивал, что соглашательские партии ведут переговоры «не с целью создания объединенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва Советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией»⁷. Одновре-

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 173.

² См. там же.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 25.

⁴ См. там же; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 148.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 152, 153, 154.

⁶ См. там же. С. 154.

⁷ Там же.

менно ЦК разрешил членам своей партии принять участие в последней попытке создать так называемую однородную власть.

Вечером 1 ноября на заседании ЦИК была принята большевистская резолюция о ходе переговоров. Говоря о желательности достижения соглашения социалистических партий, резолюция подчеркивала, что оно возможно на условиях признания Второго съезда Советов единственным источником власти¹. Однако Каменев, Зиновьев, Милютин, Рыков, Ларин, Рязанов и другие товарищи продолжали выступать с позиций, противоречащих решению ЦК партии. В этой связи ЦК РСДРП(б) на своем заседании вечером 2 ноября был вынужден принять резолюцию об оппозиции в руководстве партии. Ее проект был написан Лениным. В резолюции говорилось, что оппозиция внутри ЦК срывает решения съезда Советов, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, что абсолютно ложны заявления, «будто большевики ни с кем не хотят разделить власти», что они готовы вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов»².

Поздно вечером 2 ноября 1917 года открылось заседание ВЦИК, которое продолжалось и в ночь на 3 ноября. На заседании левые эсеры выступили с декларацией. Фракция левых эсеров заявляла, что «позиция, занятая большинством ЦИК в вопросе о создании общесоциалистической власти, делает образование последней невозможным, и этим толкает страну в пропасть дальнейшей гражданской войны»³. В этой связи декларация в ультимативной форме предлагала «ЦИК пересмотреть вопрос о платформе соглашения всех социалистических партий»⁴. Надо полагать, этот шаг левых эсеров диктовался и тем, что они были в курсе разногласий среди руководства большевиков по вопросу о создании правительства социалистических партий.

Заявление фракции левых эсеров вызвало замешательство среди части большевиков. Взявший слово Зиновьев огласил резолюцию ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, но при этом подчеркнул, что фракция большевиков в

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 177.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 45.

³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 165.

⁴ Там же.

ВЦИК ее не обсуждала. Объявленный по ее просьбе перерыв был использован для обсуждения фракцией большевиков этой резолюции. И здесь события стали стремительно разворачиваться в направлении резкого обострения кризиса в ЦК РСДРП(б). Нарушив партийную дисциплину, Каменев и Зиновьев провели в большевистской фракции ВЦИК поправки к резолюции ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, в частности по вопросам о численном и персональном представительстве большевиков в правительстве, допуске представителей городских дум в законодательные органы и другие¹. Левые эсеры приветствовали этот шаг большевистской фракции, и когда после перерыва Каменев зачитал уже резолюцию ВЦИК, в которой линия большевиков резко расходилась с резолюцией ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, то она была принята большинством голосов.

3 ноября Ленин составляет текст заявления в ЦК партии, в котором резко критиковалась политика соглашательства и постоянных колебаний меньшинства партийного руководства. Этот документ, известный как «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», объяснял историю вопроса и характеризовал сложившуюся в руководстве партии обстановку. Представители оппозиции, говорилось в нем, саботируют «работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции»². Обращение категорически настаивало на том, чтобы меньшинство ЦК дало бы в письменной форме ответ на вопрос, обязуется ли оно подчиняться партийной дисциплине и проводить принятую ЦК линию. При этом подчеркивалось, что, «в случае отрицательного или неопределенного ответа на этот вопрос», большинство ЦК немедленно обратится к Петроградскому и Московскому комитетам партии, большевистской фракции ЦИК, общегородской Петроградской партийной конференции и чрезвычайному съезду партии с альтернативным предложением: либо партия поручает «нынешней оппозиции сформировать новую власть» вместе со своими союзниками, либо партия одобрит линию ЦК, выраженную в его резолюцию от 2 ноября, и «предложит представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации»³. Документ этот подписали

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 165—167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 48.

³ Там же.

Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Держинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муранов¹, и он был зачитан на заседании ЦК РСДРП(б) 4 ноября в присутствии Ленина².

Сторонники создания «однородного социалистического правительства» отвергли те претензии, которые были высказаны им в заявлении большинства ЦК РСДРП(б) на заседании 4 ноября. Более того, Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин в тот же день сами обратились с заявлением в ЦК партии, в котором подчеркивали, что будто бы руководящая группа ЦК своими действиями «твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало»³. Товарищи подчеркивали, что они не могут «нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат» и поэтому слагают с себя звание членов ЦК и выходят из его состава⁴.

В унисон этому заявлению сразу же прозвучало другое, резкое и бездоказательное, которое от имени группы наркомов Советского правительства сделал народный комиссар торговли и промышленности большевик В. Ногин. С трибуны ВЦИК он говорил: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров... Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦИК звание народных комиссаров»⁵. Ногина поддержали нарком по внутренним делам А. Рыков, нарком земледелия В. Милютин, нарком по продовольствию И. Теодорович; к заявлению присоединился Д. Рязанов, комиссар по делам печати Н. Дербышев, комиссар государственной типографии И. Арбузов, комиссар Красной гвардии Юренев, а также ответственные работники СНК Г. Федоров и

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 164.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 32.

³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 135.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 136.

Ю. Ларин¹. Согласился с общими оценками политического момента, данными в зачитанном Ногиным заявлении, и нарком труда А. Шляпников, но он счел «недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей» в тяжелый для революции период; как сообщала печать, не сложил с себя обязанностей и Юренев².

Но революция, несмотря ни на что, продолжала решать свои дела. Ленин и его сторонники по ЦК и Совнаркому подыскивают кандидатуры вместо «ушедших» наркомов, занимаются массой неотложных вопросов. На заседании ЦК РСДРП(б) 8 ноября принимается решение отстранить Каменева от председательства в ВЦИК в связи с несоответствием «между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева»³. Провести это решение в большевистской фракции ВЦИК поручается Троцкому, Сталину, Иоффе⁴. В тот же день ВЦИК принимает отставку Каменева, записывая в протоколе: «Тов. Каменев слагает с себя звание председателя ЦИК. Фракция левых эсеров высказывает свое сожаление. Тов. Свердлов 19 против 14 избран председателем ЦИК»⁵.

Проводя гигантскую работу по защите завоеваний Октября, Ленин и его сторонники, несмотря на то что они резко критиковали тех, кто отказался вместе с большевиками в эти тревожные дни разделить бремя ответственности за судьбы страны, постоянно стремились к консолидации в рядах революционных сил, в своих собственных рядах. Об этом свидетельствуют документы. 5—6 ноября Ленин от имени ЦК РСДРП(б) повторно письменно обращается к Л. Б. Каменеву, Г. Е. Зиновьеву, Д. Б. Рязанову и Ю. Ларину, продолжающим нарушать партийную дисциплину, с требованием подчиниться решениям ЦК и проводить его политику⁶. В те же дни он от имени ЦК обращается к партии и к трудящимся страны, разъясняя им суть той кризисной ситуации, которая сложилась в ЦК и в СНК в связи с уходом из этих ор-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 169.

² См. там же.

³ Там же. С. 178.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 70—71; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 36; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 170.

ганов ряда видных большевиков¹. Ленин в который уже раз поясняет, что большевики предложили левым эсерам Камкову, Спиро и Карелину войти в это правительство, но последние отказались. В день опубликования этого обращения в «Правде» 7 ноября Зиновьев пишет «Письмо к товарищам». В нем он подчеркивает, что, убедившись в истинной позиции меньшевиков и эсеров, берет свое заявление о выходе из ЦК назад и обращается к своим «ближайшим единомышленникам» с предложением «воссоединиться с нашими старыми товарищами по борьбе» в это трудное и крайне ответственное время и «подчиниться партийной дисциплине»². Других подобных заявлений от вышедших из ЦК и СНК большевиков в эти дни не последовало.

Такова была та обстановка в руководстве партии и в правительстве, когда новая власть приступала к проведению в жизнь своей программы, утвержденной Вторым съездом Советов. Конечно, это накладывало отпечаток на работу правительства, на деятельность ЦК РСДРП(б), но не означало, что борьба за претворение в жизнь первых декретов Советской власти откладывалась. Это, разумеется, относилось и к Декрету о мире. Он был первым декретом Советской власти. Символично, что и первым народным комиссариатом, который был создан в Советской России, стал Народный комиссариат по иностранным делам. Его возглавил Л. Д. Бронштейн (Троцкий).

Делая все возможное, чтобы облегчить страдания измученного войной народа, вернуть миллионы солдат к мирному труду, Советское правительство понимало, что путь к миру будет чрезвычайно трудным. В речи на заседании Петроградского Совета совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября Ленин подчеркивал: «Мы никогда не обещали, что войну можно кончить одним ударом, воткнув штык в землю»³. Это понимали и массы людей в тылу, солдаты в окопах. Газеты писали, как идут дела по реализации мирных инициатив Советской власти, рассказывали о положении в этой области на фронте и за рубежом. 5 ноября 1917 года «Известия ЦИК» информируют, например, что переведенный на ино-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 171—174; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72—76.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 177.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 62.

странные языки текст Декрета о мире распространяется по всему фронту среди солдат противника, он отправлен одновременно в Стокгольм, откуда его будет распространять находящееся там Заграничное представительство РСДРП(б).

К 7 ноября военно-политическая обстановка для Советской власти стала более благоприятной. И в ночь с 7 на 8 (с 20 на 21) ноября верховному главнокомандующему генералу Н. Н. Духонину по прямому проводу и по радио направляется предписание приступить к переговорам о перемирии¹. Его подписали Ленин, Троцкий, Крыленко². «Сейчас, когда Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах страны,—говорилось в документе,—Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами в враждебных действиях. Соответственное извещение послано Народным Комиссаром по Иностранным Дела́м всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде»³. СНК поручал генералу Духонину «тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров»⁴. Более того, ведение этих предварительных переговоров Совет Народных Комиссаров возлагал на генерала Духонина, приказывая ему «непрерывно докладывать Совету по прямому проводу» о ходе переговоров с представителями неприятельских армий и «подписать акт перемирия только с предварительного согласия» Советского правительства⁵.

Конечно, особого доверия к генералу Духонину Советская власть не могла иметь. Для этого, мягко говоря, были веские основания. Тем не менее, наделяя его огромными полномочиями в вопросах ведения переговоров о перемирии, она давала Духонину последний шанс послужить родине и народу. 8(21) ноября днем Ленин присутствует на заседании ВЦИК, где обсуждается и воп-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 40; Декреты Октябрьской революции. С. 48—49.

² См. там же. С. 48.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 48.

рос о мероприятиях Советского правительства в области внешней политики¹. Ответа к этому времени от Духонина еще не было.

Докладывал Троцкий, сообщивший, что 8 ноября послам союзных держав за его подписью разосланы ноты. К нотам прилагался Декрет о мире, который предлагалось рассматривать как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»². Союзные державы уведомлялись также о том, что с аналогичным предложением Советское правительство обратилось «одновременно ко всем воюющим народам и их правительствам»³. Поздно вечером Ленин участвует в совещании делегатов с фронта, на котором Н. В. Крыленко информирует их о мерах, принятых Советским правительством для заключения перемирия с Германией⁴. Ответ от Духонина по-прежнему не поступал.

Уже в ночь с 8 на 9 (с 21 на 22) ноября с участием Ленина проходит совещание правительства и Военно-революционного комитета. Духонин в ставке продолжает молчать.

И тогда на заседании СНК и ВРК принимается решение уполномочить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Н. В. Крыленко провести переговоры по прямому проводу с Н. Н. Духониным для выяснения причин невыполнения последним предписания Советского правительства⁵. В 2 часа ночи 9 ноября Ленин, Сталин и Крыленко приезжают в штаб Петроградского военного округа⁶. В результате переговоров, которые велись от лица Н. В. Крыленко, выяснилось следующее.

Ставка получила предписание СНК немедленно открыть переговоры о перемирии — 8 ноября в 5 часов 5 минут утра⁷. Из разговора стало ясно, что молчание ставки в течение суток было умышленным и явилось прямым саботажем важнейшего распоряжения Советской власти, которое касалось судеб страны и народа⁸. Раз-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 42.

² Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 17.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 42.

⁵ См. там же. С. 42—43.

⁶ См. там же. С. 43.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 81.

⁸ См. там же. С. 77—80, 81—82.

говор с Духониным продолжался два с половиной часа — до четырех с половиной утра 9 ноября, и в течение всего этого времени генерал уклонялся от объяснения своего поведения, а когда ему в категорической форме было предложено «вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии», отказался подчиниться¹. По поручению СНК Крыленко тут же заявил Духонину, что он немедленно увольняется от должности «за неповиновение предписаниям правительства», но что «под страхом ответственности по законам военного времени» он должен «продолжать ведение дела», пока в ставку не прибудет новый главком или уполномоченное им лицо для принятия дел от Духонина².

Наступало уже утро нового дня. После разговора с Духониным Ленин предлагает обратиться к солдатам с призывом брать дело мира в свои руки³. Вместе со Сталиным и Крыленко он в 4 часа 30 минут утра едет на военно-морскую радиостанцию, где составляет радиограмму всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота⁴ (идет 6-й час утра 9 ноября). От имени Совнаркома ее подписали глава Советского правительства Ленин и нарком по военным делам и верховный главнокомандующий Крыленко⁵. По словам последнего, радиограмма была отправлена в 6 часов утра 9 ноября⁶. Советское правительство заявляло: «Солдаты! Дело мира в ваших руках... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров»⁷.

В этот же день, 9 ноября, за подписью Троцкого подготавливается заявление Наркомата иностранных дел, извещающее, что Советская власть, как она и обещала, приступает к «опубликованию секретных дипломатиче-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 81.

² См. там же. С. 80.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 43.

⁴ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 61.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

ских документов из области внешней политики царизма и буржуазно-коалиционных правительств за первые семь месяцев революции»¹. 10 ноября Ленин, Троцкий и секретарь Военно-революционного комитета С. Гусев подписывают телеграмму всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте, в которой призывают их вести решительную борьбу с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело снабжения продовольствием армии и препятствующими заключению мира².

Участвуя в заседании ВЦИК 10 ноября, Ленин выступает с докладом, в котором информирует присутствующих о переговорах с Духониным. «Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир,— указывал Ленин.— Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной»³. Прямое обращение Советского правительства к солдатским массам было, разумеется, новым явлением в государственной жизни, во всей международной политике, которое не укладывалось в рамки прежних пониманий различных процессуальных моментов при практическом применении тех или иных срочных правительственных решений, не имеющих права быть отложенными. Видимо, поэтому доклад Ленина на заседании ВЦИК о переговорах с Духониным имел и своих оппонентов.

Так, большевик Г. И. Чудновский высказал сомнение в необходимости передавать дело заключения мира солдатам⁴. Он считал, что если немцы не пойдут на переговоры и нам придется продолжать с ними войну, то предложение Ленина, по его мнению, сделает невозможным для наших солдат идти в бой.

Выступил по докладу Ленина и Каменев, предложивший составить от имени ВЦИК воззвание, в котором давались бы разъяснения о том, что при передаче ведения переговоров в руки солдат заключение перемирия может быть произведено только государственной властью общероссийского масштаба⁵. Другими словами, это предложение Каменева касалось процедурных вопросов,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 21.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 73—75.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 86.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

⁵ См. там же.

хотя и очень важных, связанных с прерогативами СНК и ВЦИК. Каменев высказал и другое соображение. Необходимо иметь гарантии того, говорил он, что перемирие не будет использовано для переброски немцами своих войск с русского фронта против союзников. В противном случае французские, английские и итальянские рабочие могут подумать, что мы, идя на перемирие, покидаем их.

От левых эсеров на заседании выступил Левин, который от имени своей фракции высказал несогласие с той частью обращения правительства «к полкам», где они призываются к непосредственному ведению с немцами переговоров о перемирии¹.

Выступая с заключительным словом и отвечая на некоторые высказывания оппонентов, Ленин пояснил дополнительно позицию правительства во время переговоров с Духониным. Он говорил, что одного его смещения было мало, что мы в вопросе о мире вели войну с контрреволюционным генералитетом, идущим против нас, и поэтому апеллировали к солдатской массе, дав «ей право вступать в переговоры о перемирии»². При этом Ленин подчеркивал, что, проводя эту линию, большевики опирались на низовые солдатские комитеты, были уверены в их силе и способности обеспечить практическое осуществление политики мира. Решительным образом опровергал Ленин и тех, кто утверждал, будто обращение к солдатам приведет к падению дисциплины и ослабит наш фронт, если немцы вдруг перейдут в наступление³. При Духонине, говорил Ленин, «у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира», что только теперь у нее «эта уверенность есть», и мы опираемся на это чувство «организованности и самостоятельности солдатской массы»⁴.

После получения в окопах известия об обращении СНК к солдатам на различных участках фронта начались братания, установление контактов с немцами для ведения переговоров о перемирии. Уже 10 ноября на Западном фронте солдатский комитет Гренадерского корпуса 2-й армии предложил немецким частям вступить в переговоры о перемирии на участке корпуса⁵. Тогда же начались братания солдат по фронту 27-го армейского

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 87—88.

³ См. там же. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 329.

корпуса¹. Взял на себя ведение переговоров о перемирии комитет 5-й армии, дислоцированной на Северном фронте.

Активные меры Советского правительства 7—10 ноября в области практического претворения в жизнь Декрета о мире, стремительность его действий вызвали ответные шаги в руководящих сферах стран обеих враждующих группировок. Какова была позиция центральных держав — Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции? Разумеется, все они откровенно враждебно встретили известия об октябрьских событиях 1917 года в Петрограде. Но война все сильнее сказывалась на державах Центрального блока. Истощались ресурсы ведущего партнера этого блока — Германии. Не лучшей была обстановка и в Австро-Венгерской монархии. Центральные державы не могли, конечно, не знать о катастрофическом положении дел в России. Их агентура имела в своем распоряжении богатейшую информацию на этот счет и беспрепятственно передавала ее по назначению. И в первую очередь их интересовала боеспособность русской армии, ее потенциальные возможности к сопротивлению. Другими словами, они стремились использовать складывающуюся в России обстановку в интересах реализации своих военных планов. Начальник германского генерального штаба Э. Людендорф напишет потом: «Положение дел на Восточном фронте позволило приступить к обмену усталых дивизий с запада на боеспособные с востока»². Видимо, немцы понимали, что рано или поздно, но на контакты с Советами по вопросу о переговорах относительно перемирия им придется пойти, тем более их заинтересованность в этом была не меньшая, чем у советской стороны. А потому и спешили с переброской войск до начала этих переговоров. События в России были «выгодны» германскому милитаризму, они в немалой степени породили в его среде надежды на победоносное окончание войны, на удовлетворение политических и экономических appetитов империализма Германии как на востоке, так, разумеется, и на западе. Вместе с тем третья революция в России и пугала правящие круги Германии, они боялись заразительности ее примера для своего собственного народа.

В Германии к этому времени уже сложились две

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. М., 1966. С. 33.

² *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 77.

группировки, каждая — со своим подходом к вопросам войны и мира. Одну во главе с самим кайзером Вильгельмом II представляли военные — главнокомандующий германской армией Гинденбург, начальник генштаба Людендорф, начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман. Их стремление к «окончанию» войны основывалось на силе, то есть достижение «мира» они не мыслили иначе как только путем победы над врагами центральных держав. Другое направление составляли штатские — рейхсканцлер Гертлинг, министр иностранных дел Кюльман, лидер партии центра в рейхстаге Эрцбергер. И эту группировку также устраивало только такое окончание войны, которое было бы в политических и экономических интересах Германии и ее союзников. Разница заключалась лишь в том, что «штатские», имея в виду силу и опираясь на нее, внешне старались действовать «с учетом» общественного мнения за рубежом и в Германии, скрывали свои подлинные планы за общими пожеланиями, туманными фразами и якобы объективным подходом к вопросам войны и мира. И уж конечно те и другие хотели «ликвидации» Восточного фронта, равно как мечтали и о том, чтобы «пожизниться» за счет обескровленной России.

И еще на один момент обратим внимание. Разумеется, Германия стремилась убрать из-под «воздействия красной пропаганды» часть своих войск, перебрасывая их на запад. Кроме того, немцы снимали свои части и заменяли их австро-венгерскими и другими на таких участках фронта, соприкасавшихся с территориями бывшей царской России, где уже концентрировались силы контрреволюции, формировались буржуазно-националистические власти, где во главе русских армий стояли генералы — ярые противники большевиков. Это были районы Украины, Бессарабии, Крыма, Дона, Кубани, Закавказья. Вскоре здесь запылывает пламя гражданской войны, раздуваемое не в последнюю очередь и империалистами стран Центрального блока. Но германские части не снимались и не заменялись на тех направлениях, с которых кратчайшим путем можно было при случае совершить бросок на Петроград и Москву — из районов Прибалтики и Белоруссии.

Каковы же были побуждения государств Антанты? Их официальные круги вряд ли могли сразу же, как говорится, по свежим следам оценить масштабность происшедших в России событий. И поэтому, надо полагать,

первоначально их воспринимали там прежде всего под углом зрения дальнейшего ведения войны с Германией. Тем более что буржуазная печать союзных России стран, многих нейтральных государств, российская печать, враждебная Советам, уже длительное время представляли большевиков как германских агентов.

Страны Антанты, их дипломатические и военные представители в Петрограде, при ставке русских войск в Могилеве, штабах ряда армий многотысячекилометрового Восточного фронта знали о мирных предложениях Советской власти. Но делали при этом вид, как будто это их не касается. Так, 9 (22) ноября их представители в Петрограде собрались в резиденции посольства США на заседание, созванное старшиной дипломатического корпуса американским послом Френсисом, и в соответствии с позициями своих правительств приняли решение на советскую ноту... не отвечать¹.

10 ноября Троцкий от имени Советского правительства адресовался с нотами к посланникам нейтральных стран, которые не участвовали в войне,— Норвегии, Нидерландов, Испании, Швейцарии, Дании и Швеции². Они были поставлены в известность о советских нотах союзным посольствам от 8 ноября. В нотах содержалась также просьба официально довести советское предложение немедленного перемирия и открытия мирных переговоров до сведения неприятельских правительств. Наконец, Советское правительство просило представителей нейтральных стран принять все зависящее от них, чтобы ознакомить общественность своих государств с мерами, предпринятыми Советской властью в пользу мира.

10 ноября проходило заседание Петроградского Совета. Среди прочих вопросов обсуждалось и положение дел относительно советского предложения союзным странам об открытии мирных переговоров. Докладывал Сокольников³. Сообщив о принятии ноты от 8 ноября послами союзных стран, полагавшими, как сказал докладчик, что мы будем «тянуть» с вопросом о мире, Сокольников говорил об извращении советской позиции зарубежной буржуазной прессой и враждебными большевикам органами печати внутри страны, которые представляют дело таким образом, будто Советское правительст-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 707; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 459.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 22—23.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 11 ноября.

во обратилось к Германии с предложением о сепаратном мире. Далее докладчик возражал тем, кто предлагал по вопросу о мире дожидаться выступлений международного пролетариата, подчеркнув, что и при подготовке революции нам советовали то же самое. Союзники России были действительно шокированы взятыми Советской властью темпами по вопросу об открытии переговоров о перемирии на всех фронтах. Большевики не шутили, мобилизовывали свои силы и средства по всем направлениям. Появлялись и первые «плоды» мирного натиска Советской власти. Ряд органов печати сообщал, что уже есть первые результаты этой борьбы — немцы приостановили наступательные операции¹.

В первой половине дня 11 ноября 1917 года Ленин беседует с Крыленко и Иоффе, которых СНК уполномочил вступить в переговоры с германским командованием о перемирии². Он дает им подробные инструкции о ведении переговоров; тогда же Ленин подписывает удостоверения — Крыленко о том, что он 9 (22) ноября постановлением СНК назначен верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской республики, и Н. И. Подвойскому о том, что последний является заместителем наркома по военным делам³.

А союзные державы в это время продолжали усиливать линию на открытое противодействие миролюбивому курсу Советской власти. Их особенно тревожило обращение СНК к солдатам на фронте брать дело мира в свои руки. 10 (23) ноября начальники военных миссий союзных держав при ставке заявляют Духонину, к тому времени уже смещенному Советским правительством, протест против нарушений договора от 23 августа (5 сентября) 1914 года, по которому союзные державы обязались не заключать сепаратного мира или перемирия с противником⁴. В совместной ноте Духонину, подписанной военными представителями Англии, Франции, Японии, Италии, Румынии и Сербии, последние открыто угрожали нам тяжелыми последствиями в случае любого нарушения Россией союзного договора⁵. Духонин в свою оче-

¹ См.: Буревестник. Орган федерации анархистских групп. Пг., 1917. 12 ноября.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 50.

³ См. там же.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 331—332.

⁵ См. там же. С. 332.

редь, игнорируя, как и союзники, приказ Совнаркома о своем отстранении от должности, проинформировал о содержании полученной ноты командующих русскими армиями на фронте с целью дальнейшего оповещения войск, а затем, уже в ночь на 11 ноября, доложил об этом в Петроград в военное министерство, где продолжали заседать генералы, в основном враждебно относящиеся к Советской власти¹.

Когда Ленин инструктировал Крыленко и Иоффе, уже было известно, что советская делегация выедет на Северный фронт в район дислокации 5-й армии, игравшей передовую роль в борьбе за Советскую власть среди окопников². К тому же это была самая ближайшая к Петрограду крупная стратегическая военная единица. Было известно также и то, что еще в 6 часов утра этого дня, то есть 11 ноября, Троцкий именем СНК обратился ко всем войсковым комитетам на фронте и ко всем Советам с изложением последних данных о поведении смещенного Духонина и начальников союзных военных миссий при Ставке³. В обращении говорилось о недопустимости вмешательства во внутренние дела нашей страны союзных представителей, пытающихся «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Миллюкова — Керенского — Терещенко»⁴. Подчеркивалось также, что союзники не дают никакого ответа на советское предложение о перемирии на всех фронтах, более того, обвиняют нас в том, будто СНК предлагает сепаратное перемирие. В обращении содержался призыв к солдатам продолжать «борьбу за немедленное перемирие», выбирать делегатов для таких переговоров.

Не лучшим образом вели себя в эти дни и меньшевики с эсерами, которые вместе с теми, кто стоял за продолжение войны, вещали в печати, что немцы не хотят с нами вести какие-либо переговоры, что они наступают и наши армии буквально бегут от них. Этой ложью они сеяли тревогу в тылу, а заодно и как бы подсказывали

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 334.

² См. там же. С. 329; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 50.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

⁴ Там же.

немцам линию их поведения в отношении обескровленной и неспособной к сопротивлению страны¹.

Молчали по вопросу о перемирии и демократическом мире нейтральные страны, к которым Советское правительство обратилось с нотой от 10 (23) ноября. Исключение составил только представитель Испании Гаридо Циснерос, который уже на следующий день — 11 (24) ноября — дал ответ, обещая немедленно телеграфом передать советскую ноту своему правительству, чтобы оно «могло довести ее до сведения испанского народа и приложить со своей стороны все необходимые усилия, чтобы способствовать заключению мира, которого так жаждет все человечество»². За это испанский представитель поплатился — он был незамедлительно отозван своим правительством из нашей страны.

Активное противодействие продолжали оказывать советскому миролюбивому курсу и союзные державы. 11 (24) ноября в британской палате общин выступил заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Сесиль, который заявил, что его страна не признает Советское правительство как субъект международного права³. Аналогичную позицию заняла и Франция, резко отреагировавшая на смещение Духонина за отказ начать переговоры с немцами о заключении перемирия. Ф. Фош немедленно телеграфировал французской военной миссии в России, что Франция полагается на патриотизм главного русского командования и надеется, что оно откажется от переговоров с немцами и удержит русскую армию на фронте против их общего врага⁴.

После смещения Духонина и США сразу же начали проводить курс на аннулирование экономических и военных поставок, обещанных еще Временному правительству⁵. 12 ноября американский военный атташе в России бригадный генерал У. В. Джедсон довел до сведения русского генерального штаба в Петрограде документ: любые действия новой власти в Петрограде, которые, по мнению США, противоречат их интересам, приведут к

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 14 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 708.

³ См.: Daily Mail. 1917. 24 November; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 19.

⁴ См.: Фош Ф. Воспоминания (война 1914—1918 гг.). М., 1939. С. 213.

⁵ См.: Гершов З. М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 177.

блокированию каких-либо связей между США и Россией. В документе прежде всего излагалось сообщение, появившееся в прессе США. «Американское Правительство объявило,— говорилось в печати,— что никакие отправки военных припасов или продовольствия не будут производиться в Россию до тех пор, пока положение в этой стране не выяснится. Правительство, до разрешения отправки американских продуктов, хочет знать, в чьи руки они попадут в России. Вывоз в Россию будет возобновлен только после формирования твердой власти, которая может быть признана Соединенными Штатами»¹. Далее открытым текстом, как говорится, сообщалось, что внешний курс большевиков не устраивает США: «Но если большевики останутся в обладании власти и будут проводить свою программу заключения мира с Германией, то настоящее запрещение вывоза в Россию останется в силе»². Передавая материал, У. В. Джедсон подчеркивал, что хотя ни он, ни посол Френсис не имеют на этот счет никаких инструкций из США, однако пресса правильно отражает точку зрения американского правительства, и они ждут дальнейших известий из своей страны³. Генерал сообщил также, что передаваемое им заявление согласовано с послом⁴.

12 ноября «активничал» и смещенный Духонин. Он из ставки передал фронтам телеграмму, призывая солдат соблюдать обязательства России перед союзниками продолжать войну, угрожал тем, кто приступит к мирным переговорам с немцами⁵. Более того, Духонин открыто выступил с призывом против Советской власти. «Дайте время истинной русской демократии,— взывал Духонин,— сформировать власть и правительство, и она даст нам немедленный мир совместно с союзниками...»⁶ Последний призыв проливает свет и на то, зачем и для чего в эти дни в ставку выехали или находились уже в ней такие политические и военные фигуры, как социал-шовинист эсер Н. Д. Авксентьев, лидеры правых эсеров А. Р. Гоц и В. М. Чернов, один из лидеров «революционного оборончества», меньшевик Б. О. Богданов, органи-

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 ноября; *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 332—333.

² Известия ЦИК. 1917. 14 ноября.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 334.

⁶ Красный архив. 1927. Т. 4. С. 220.

затор и лидер кадетской партии П. Н. Милюков, генерал М. В. Алексеев, будущий организатор и руководитель белогвардейской Добровольческой армии¹.

Тесную связь поддерживает Духонин и с Петроградом. 13 ноября от него была получена здесь телеграмма, уведомляющая, что английский генерал Бартер предупреждает от заключения сепаратного мира с Германией, поскольку в этом случае Япония выступит против России². Печатаемая телеграмма, «Известия ЦИК» прокомментировали этот начавшийся шантаж Советской власти. Мы знаем, писала газета, что в борьбе за мир столкнемся с противодействием прежде всего союзных стран, но «русский народ, запроданный некогда царизмом, а затем коалиционным правительством Керенского в распоряжение европейских финансистов, взял свою судьбу в собственные руки и не хочет более быть слепым орудием в руках заграничного империализма»³.

Духонин спешил. Он не мог не знать о приказе № 1, изданном Крыленко после получения инструкций от Ленина (он дал их делегации перед ее поездкой на Двинский участок Северного фронта для ведения переговоров о перемирии)⁴. Этот приказ оповещал армию об отстранении его, Духонина, от должности и назначении Крыленко, который уже во второй половине дня 11 ноября выехал на фронт. За поездкой Крыленко следили все политические партии, газеты всех направлений. Все ждали результатов — одни с надеждой, другие с полным неверием в успех, третьи злобствовали и клеветали. Но информацию об этой поездке печатали все. Делегация выехала в составе главнокомандующего Крыленко, члена ЦК РСДРП(б) А. М. Коллонтай, секретаря Военной организации при ЦК партии большевиков Е. Ф. Розмирович (Трояновская)⁵.

11 ноября, в субботу, в 20 часов вечера делегация была уже в Пскове и немедленно приступила к работе⁶. Неявившийся на вызов Крыленко командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов был тут же отстранен от должности. Одновременно Крыленко отстранил и Шубина, комиссара бывшего Временного прави-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² См. там же. 14 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Мицц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 329.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Буревестник. Орган федерации анархических групп. Пг., 1917. № 3. 14 ноября.

тельства на Северном фронте, и назначил на его место большевика Б. П. Позерна. В Пскове Крыленко разговаривал с делегацией 12-го финляндского полка, расквартированного в городе. Убедившись, что гарнизон Пскова находится на стороне Советской власти и поддерживает декрет о мире, Крыленко и его спутники в 1 час ночи, то есть уже 12 ноября, выехали в направлении Двинска, куда прибыли в 9 часов утра. Надо полагать, что Духонин имел полное представление о маршруте движения делегации во главе с Крыленко, который в конечном итоге двигался курсом на Ставку.

В Двинске Крыленко встречали как главкома делегаты комитета 5-й армии; во главе этого комитета стоял большевик Э. М. Склянский¹. И здесь командующий армией генерал В. Г. Болдырев проигнорировал вызовы Крыленко, за что был также отстранен от должности и взят под арест.

Далее события развивались следующим образом². Отсюда, из Двинска, в 11 часов утра 13 (26) ноября 1917 года Крыленко именем СНК отдал распоряжение послать парламентариев на фронт для установления контактов с германским командованием на предмет ведения переговоров о перемирии. Парламентариями были: поручик 9-го Гусарского Киевского полка Владимир Шнеур, члены комитета 5-й армии — военный врач Михаил Сагалович и вольноопределяющийся Георгий Мерен. Они должны были обратиться к германскому командованию на том участке, где их примут, с просьбой запросить высшее командование германской армии, «согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начатия затем мирных переговоров»?³ Таким образом, с самого начала Советская власть ставила вопрос отнюдь не о сепаратных переговорах с немцами. В случае положительного ответа со стороны высшего командования германской армии нашим парламентариям поручалось установить место и время для встречи уполномоченных представителей воюющих стран.

В 12 часов 20 минут дня парламентарии, получив необходимые указания и полномочия, выехали из Двинска

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 330.

² См. там же. С. 330—331; Известия ЦИК. 1917. 15 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25—28.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25—28.

на фронт в распоряжение 19-го армейского корпуса. В 15 часов 50 минут они прибыли на передовую линию на участок Московского пехотного полка, где в 16 часов 20 минут вышли из окопа с белым флагом и трубачом и двинулись в направлении германских окопов. В трехстах шагах от них, у немецких проволочных заграждений, их встретили германские офицеры, которые в 17 часов доставили наших парламентариев с повязками на глазах в штаб своего батальона, занимавшего этот участок фронта. В 17 часов 40 минут письменные полномочия парламентариев, полученные ими от Крыленко, были переданы двум германским офицерам, прибывшим с этой целью из штаба дивизии. Все переговоры велись на французском языке.

А далее советское мирное предложение с немецкой точностью пошло по инстанциям: штаб дивизии — штаб командования Восточным фронтом — ставка верховного германского командования. Самых же парламентариев на автомобиле в 18 часов 20 минут доставили в расположение дивизии, где их официально принял ее командир генерал-лейтенант фон Гофмейстер вместе с чинами своего штаба. Он-то и объявил парламентариям, что их полномочия признаны действительными, а советские предложения переданы высшему германскому командованию, ответ от которого, по мнению генерала Гофмейстера, может быть получен через 24 часа.

Судя по приказу Крыленко по армии и флоту № 2, датированному 13 ноября, он был в курсе, как развиваются события у наших парламентариев. В этом приказе, в частности, говорилось, что наши парламентарии перешли линию фронта на участке 5-й армии и что ответ на наши предложения немецкая сторона обещала дать в 20 часов 14 ноября¹.

Но, видимо, немецкой стороне была очень нужна ясность в вопросе о мирных переговорах. Во всяком случае, уже в 19 часов 50 минут 13 ноября был получен первый предварительный ответ от верховного германского командования, в котором давалось согласие вести переговоры о перемирии на принципах, изложенных в советском предложении, переданном Крыленко через парламентариев немецкой стороне. При этом германская сторона предоставляла генералу Гофмейстеру право вме-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

сте с нашими парламентарями договориться о деталях следующей встречи представителей воюющих сторон. После обмена мнениями между сторонами, который шел на русском, немецком и французском языках, и новых контактов генерала Гофмейстера по прямому проводу со своим верховным командованием нашим парламентарям был дан письменный ответ на немецком языке. В нем помимо согласия в принципе на ведение переговоров о перемирии оговаривались их конкретные организационные и технические детали: вопросы транспорта, связи, времени, места и т. д. и т. п.

Этот письменный ответ немецкой стороны был дан уже глубокой ночью — в 00 часов 20 минут 14 ноября. Встреча сторон была назначена на 19 ноября (2 декабря) в 12 часов дня по средневропейскому времени¹ в городе Брест-Литовске, где располагалась ставка главнокомандующего Восточным фронтом германской армии, то есть на территории России, занятой к этому времени войсками противника. Постановление об этом обе стороны подписали в 1 час 13 минут ночи. Тогда же нашим парламентарям было заявлено, что германское верховное командование отдало приказ о прекращении стрельбы на фронте, если таковая не будет вызываться противником, и братания впредь до окончания переговоров.

В 8 часов утра 14 ноября наших парламентарей с завязанными глазами отвезли на тот участок фронта, на котором они были приняты немецкой стороной, и в 11 часов 30 минут дня делегация благополучно возвратилась на свою сторону. В Двинск она прибыла во второй половине дня. В приказе Крыленко по армии и флоту № 3, изданном в тот же день, сообщалось, что 14 ноября в 16 часов 15 минут наши парламентарии привезли согласие немцев на переговоры о перемирии². В связи с этим Крыленко отдал распоряжение: «Предписываю немедленно приостановить перестрелку и братание на всем фронте. Необходима усиленная бдительность по отношению к противнику. Боевые действия предпринимать лишь в ответ на боевые действия противника»³.

¹ При дальнейшем изложении время, указываемое для Брест-Литовска, будет на два часа меньше, чем в Петрограде.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

³ Там же.